

Петр БОРОДКИН
(1918-1986)

ПОД ЦАРСКУЮ РУКУ*

Резвые перекладные тройки примчали на Кольвано-Воскресенский завод Демидова бригадира** Беэра с комиссией знатоков горного дела.

В дорожном ларце, обитом расписным сафьяном, Беэр привез два секретных указа, которые надежно охранял от постороннего взгляда. Один из них - царский - повелевал проверить, не занимаются ли людишки Демидова на Алтае запретной выплавкой золота и серебра.

Донес о том в Петербург штейгер, или горный мастер, саксонец Филипп Тригер, который служил у Демидова на Алтае по контракту.

Другой указ - сенатский - накрепко наказывал Беэру разведать в горах Алтая места, богатые рудой, пригодные для хлебопашества и, самое главное, - для строительства крепостей против джунгарского хана.

Невеселые мысли бродили в голове бригадира:

- Богат Акинфий Демидов... с самой императрицей сживал не раз за картежным игрищем, деньгой, сказывают, собственной чеканки, за проигрыш рассчитывался щедро... хитер, скользок Демид: рыбьей чешуей покрыт. Нехватишь просто...

Примчался Беэр. Встретил его демидовский приказчик Сидоров. Сам Демидов никогда не бывал на Алтае, и заводскими делами здесь правил его приказчики. Не по чину вежливо-учтиво и успокаивающе пропел Беэр сухопарому Сидорову:

- Наехали мы сюда по велению матушки-императрицы Елизаветы Петровны единственно ознакомиться со здешними дикими краями да промеду прочим и с заводским устройством...

Демидов не баловал своих приказчиков ни милостями, ни словами ласковыми, поэтому Сидоров остался довольнешенек манерой обхождения высокопревосходительного господина и, без задней мысли, старался чинить во всем ему подмогу.

Беэр проведал среди демидовских людишек знающего рудоискателя, бывалого землепроходца Петра Шелегина и в разговоре, будто пришлось к слову, попросил приказчика:

- Послал бы, Сидорыч, того Шелегина ко мне... Пусть развеет скуку своими рассказами...

В просторной горенке заводской канцелярии перед Беэром предстал высокий и худощавый, но широкий в плечах человек. Одетый в куцую овчинную шубейку, человек выглядел выше своего действительного роста.

- Петр Иванов, сын Шелегин! Так ли ты прозываешься?

Сверлящий взгляд серых холодных глаз, начальственно строгий голос Беэра посеяли в душе Шелегина чувство страха и покорности.

- В точности так, высокородный господин...

- Сколько лет от роду, какого звания будешь?

- Лет от роду сорок два... из тутошних крестьян я...

- Как долго обретаешься у Демидова? Бывал ли на Телецком озере?

- Двенадцать лет робил на господина Демидова, доводилось мне, нижайшему, с товарищами бывать у той озерины... хаживал и далее в горы.

Лицо Беэра посветлело, мягко и вкрадчиво заиграл голос:

- Наслышан о тебе немало. Не бесполезно тебе послужить интересу ея императорского величества. Для того пойдешь на Телецкое озеро во главе людишек разного звания...

* Из книги "Исторические рассказы о Барнауле".

** Чин - средний между полковником и генерал-майором.

Шелегин почувствовал, как по спине пробежала леденящая дрожь, передалась коленям:

- Не по силам мне, нижайшему, столь великая честь: грамоте не разумею...

Беэр мгновенно построжел и резко перебил Шелегина:

- Супротив высокого указу не тебе перечить! Приказ один - подбирай охочий люд и по весне, как лед пройдет на реках, отправляйся в путь. Велю освободить от заводских работ тебя с тем человеком и семьей вашей. Ступай!

Через месяц в местной церкви совершился обряд присяги Шелегина на верность царской службе. Густой бас священника ломал затхлую церковную тишину:

- Аз, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь всемогущим богом и перед святым его евангелием...

Стоя на коленях, Шелегин громко и внятно повторял прочитанное и ощущал, как холодело сердце, тревожно ныла душа под гнетом страшной присяги.

Когда последнее "аминь" заглохло в церковных сводах, Шелегин издал скрытый вздох облегчения. Светлее стало на душе.

Беэр приставил к Шелегину помощника по письменной части - крестьянина Белярской слободы Василия Степанова и строго наказал в напутствие:

- Ехать вам по пути, указанному в инструкции. Все примечать да записывать в путевой журнал... встретитесь с людьми, подвластными джунгарскому хану, купцами именуется, торг заводите... для того велю обоз со всяким скарбом снарядить. Помните крепко - за усердие в службе ждуч вас милости государыни, за нерадение - кнут и кандалы...

После отъезда Шелегина Беэр занялся исподволь, чтобы не вызвать подозрения Сидорова, исполнением царских предписаний.

Несколько раз вместе с комиссией он выезжал на Змеиную гору, что верстах в сорока от Колывано-Воскресенского завода, и подолгу копался в старой шахте, заброшенной много веков назад древними людьми - "чудаками".

Знатоки горного дела с трудом откалывали от стен шахты куски крепчайшей породы - рогового камня, или роговика, с затаенными надеждами всматривались в их причудливые изломы.

Но камень казался бездушным и упорно не хотел радовать людской глаз блестящих или серебряных прожилков.

От бесплодных поисков Беэр пришел в ярость и гневно обрушился на Тригера:

- Где же золото с серебром, о которых ты, каналья, сбрыхнул самой императрице! Знаешь ли, что тебя ждет впереди, обманщик и плут!

Не приключись случай, греметь бы Тригеру всю жизнь каторжными кандалами.

Пришел однажды к шахте человек. Высокий, чуть сутуловатый - ни дать ни взять Шелегин.

Беэр поначалу от удивления часто-часто заморгал глазами, потом бойко потрянул головой, словно отгонял привидение:

- Нет, не Шелегин... Шелегин пожиже сложен...

Человек помял грубой пятерней нечесаную бороду, вызывающе сверкнул голубыми глазами и сказал Беэру:

- Слухами пользуюсь, высокородный господин, маетесь вы со своей братией да штейгером Филиппкой Тригером в отыскании золотишка с серебром. Не спуститься ли мне в шахту на счастье ея императорского величества!

Не успел Беэр сказать в ответ слова, как человек трижды перекрестился, юркнул в черную шахтную яму, быстро вернулся с кусками породы и стал просто-душно поучать знатоков горного дела:

ЧАША ЖИЗНИ

● В январе 1919 года в Барнауле вышел первый номер журнала "Сибирский рассвет". Вокруг него сгруппировались литераторы М. Васильева-Потанина, П. Казанский, П. Низовой, К. Худяков, А. Высоцкий, И. Гольдберг, А. Новиков-Прибой, К. Дубровский и исследователь Алтая В. Верещагин.

Широко известная повесть А. Новикова-Прибоя "Море зовет", рассказы "Шалый" и "Две души" были впервые напечатаны в Барнауле и уж потом выдержали по несколько изданий в Москве и Ленинграде.

- Чтобы найти самородное золото и серебро в руде, надобно знать ее свойство. Металлы залегают в ней не жилами, а гнездами. Оттого пристойнее дробить рудный камень не на двое, а на куски. Чем меньше, тем надежнее поиск!

Человек извлек из-за пояса увесистый железный молоток и стал им с силой бить по камню. Роговик искрил и скрежетал, сеял вокруг колючим каменным дождем, но постепенно сдавал - скупно крошился на куски.

Когда по излому одного куска на землю ссыпались золотые лепестки и крупички и резанули в глаза жарким багряным блеском, Беэр медленно воздел руки к плечам человека и сказал, не тая восхищения:

- Истинно ты открыл золото с серебром и достоин похвалы и награды! Благодарение богу, что послал тебя в трудную для нас минуту. Но кто ты таков?

К Беэру неожиданно подскочил Тригер, рухнул в ноги, виновато и тонко заскулил:

- То демидовский штейгер Федька Лелеснов! Он открыл шахту... мне показал, да не раскрыл секрета руд... Виновен я в корыстном умысле - один, без Федьки, хотел награду получить... пред Вами, ваше высокопревосходительство, пред богом каюсь - грешен я...

После того Тригер остался безнаказанным, а комиссия навсегда скрыла собственный конфуз от злоязычной молвы людей тем, что окрестила шахту в честь себя "Комисской". Комиссия стала поспешать в делах. В печах Кольвано-Воскресенского завода она день и ночь выплавляла из комисских руд золото с серебром.

Теперь Беэр в открытую выполнял царский указ и не стеснялся начальственными окриками погонять демидовских служителей. Сидоров чуть не набил шишку у себя на лбу: досады, что вовремя не разгадал замыслов комиссии и не известил о том Демидова:

- Быть битому до трех смертей...

Но Сидорову повезло. В августе 1745 года скончался Акинфий Демидов и унес в могилу невымещенную злобу на приказчика-простофилю.

Довольнешенек возвращался в Петербург бригадир Беэр. Вместе с гвардии поручиком Булгаковым он вез под усиленным конвоем тридцать семь с лишком пудов серебра да несколько фунтов золота.

В дорожном ларце покоились бумаги со сведениями, так необходимыми сенату. С риском для жизни их собрал Шелегин с охочим людом.

Беэр полностью выполнил волю обоих указов...

Жаркий летний день 1747 года. В стенах палисадной крепости Барнаульского медеплавильного завода происходило необычное.

Гремели барабаны. Глухим басом им вторил сторожевой колокол. Звучали слова военной команды. На середину заводского двора, к высокому дощатому помосту, солдаты сгоняли работный люд.

Когда на помосте появились люди в военных мундирах, крепостные чугунные пушки дружно рывкнули, возвещая начало важной церемонии. Впереди офицеров вышел заводской писец, развернул бумагу.

Тонко, по-комариному, зазвенел голос писца, читавшего царский указ:

"Те заводы и прочее на Иртыше и Оби реках и между оными все строения, какие обретаются заведенные от помянутого Демидова со всеми отведенными для того землями... и мастерскими людьми, собственными его Демидова и с приписанными крестьянами указами мы повелели на Нас..." Люди с черномазыми угрюмыми лицами ахнули, застонали в голос от удивления и страха, отпрянули назад.

А писец все читал и читал, смахивая рукавом кафтана с кончика носа надоедливые капли пота. Он поведал толпе, что отныне заводами и рудниками, людьми на Алтае будет править Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства, подвластная лишь одному царскому кабинету.

Главным командиром канцелярии назначался Беэр.

Снова ударили барабаны. Под хлесткую дробь марша Беэр с офицерами спустился с помоста и важно направился к заводской канцелярии.

От толпы отделился человек, забежал впереди блестящей свиты, поясно поклонился Беэру, робко заговорил:

- Осмелюсь низжайше просить Вас, высокородный господин...

В нескладной высокой фигуре, в голосе человека Беэр уловил знакомое, с раздражением и небрежностью спросил:

- Шелегин, что ли? Чего тебе надобно?

- Не будет ли милости государыни нашей мне с людишками, что хаживали в горы... вдвойне супротив демидовского, задолжались заводской работой комиссии...

Беэр затопал ногами, пришел Шелегина к месту гневными словами:

- Болван ты! Разве грешно поработать за двоих для высочайшей пользы! Молись денно и ночью, червь ничтожный, что выпала честь ходить тебе вечно под высоким монаршим началом!..

На другой день бригадир придирчиво осмотрел Барнаульский завод и нашел живописным заводской пруд. Глядя на его берега - веселые луговины, к которым со всех сторон подступали плотным хороводом вековалые сосны, царский наместник твердо порешил:

- Надобно терем поставить здесь... быть отныне Барнаульскому заводу центром Колывано-Воскресенской округи...

Беэр не забыл про Лелеснова, вызвал тем же летом к себе, расцеловал при встрече, обильно, по русскому обычаю, угостил.

Когда штейгер опамантовался от немого изумления, бригадир с шумом выдвинул на середину горницы тяжелый кованный сундук, поднял крышку, ласково заговорил:

- Смотри сюда! Вот горностаевая шуба. Бела, как первый снег. Такая по плечу самому высокому сановнику. А то пачка ассигнаций... в ней пятьсот рублей. Все это жаловано тебе за открытие руд высокопревосходительным бароном Черкасским, управляющим кабинетом ее величества. Доволен ли ты?

Не глядя на штейгера, Беэр похолодевшим голосом изрек иное:

- Только тебе, обязанному человеку, сейчас сии богатства ни к чему... ты должен без устали приискивать новые руды, когда станешь стар и немощен - получишь все сполна. Понял?

Спустя немного времени, Беэра произвели в чин генерал-майора за заслуги перед самой императрицей. Только недолго прожил генерал - умер в 1751 году.

Похоронили его с подобающими почестями при Барнаульской церкви Петра и Павла. Штейгер Лелеснов так и не получил обещанной награды.

РАСКРЫТАЯ УЛОВКА

За заводским посадом, на лужках по речке Барнаулу, собиралась на гульбища мастеровая молодежь, но не веселилась по-настоящему. В хороводных кругах толкались почти одни парни с мрачными, унылыми лицами, в пестрядинных рубашках, и лишь редкими цветами проглядывали пестрые девичьи одеяния.

В канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства посыпались доношения. В них парни испрашивали разрешения на выезд в иные места для поисков желанных невест. Горное начальство всполошилось. Сам начальник заводов сиятельный генерал Борис Иванович Меллер не без тревоги в голосе говаривал высшей офицерской братии:

- Ущерб превеликий интересу ея императорскому величеству наступит от того, что молодые парни, слоняясь по округе, задолжаются работой заводской конторе...

По этим мотивам генерал самолично решил помочь в беде мастеровым парням и на первый случай затребовал списки всех посадских девиц. Девич оказалось едва не вдвое меньше парней. В списках про девиц говорилось всякое:

"...Софья Бессонова... 20 лет от роду... постоянно страдает икотой... часто бывает в обмороках... к тому же крепко глуха на левое ухо..."

"...Наталья Беспалова... 19 лет... забывчива и слабоумна... по-дикому хохочет во сне... видом и ненадежным здоровьем омрачает жизнь родителей..."

"...Авдотья Карпова... 18 лет... за застарелой нутреной болезнью спины припадает на правую ногу, бочит при ходьбе... лицо порыто оспой... каждодневно жалуетса на головные боли... к замужеству мало пригодна..."

Генеральские глаза округлялись, выползали из орбит от превеликого удивления.

- Как на подбор, калечь разбитая... ни единой девицы, годной к замужеству!..

После короткого раздумья генерал пришел к заключению, не лишенному здравого смысла:

- Сии девицы не виновны в собственных изъянах и должны иметь мужей...

В тот же летний день 178... года два горных офицера прямо из кузницы привели к генералу подмастерье Гаврилу Буянова от копоти и дыма черного, как галка. Гаврила стоял ни жив, ни мертв от испуга. И в самом деле бывалое ли дело, чтобы растрепанный и неумытый мастеровой топтал грязными обутками расписные ковры на полу генеральского кабинета?

Мастеровой перебрал в памяти все сколько-нибудь значащие события последних лет своей жизни и не нашел в них того, что могло бы так неожиданно и спешно привести его в нежелательную компанию.

Генерал шурил и без того узкие глаза, еле сдерживая широкую улыбку, которая вот-вот грозила окончательно стереть с лица выражение всегдашней строгости и заставить его передернуться в неудержимом хохоте.

- Не желаешь ли, молодец, жениться?..

Необычный вопрос, смеющийся голос генерала вконец сбили с толку Гаврилу. Он пробормотал что-то невнятное в ответ, неуклюже и совсем не попадая перегнулся в поклоне.

- Так я и полагал... знамо, что желаешь... по глазам твоим вижу.

Генерал малость повременил и прежним голосом объявил:

- Невесту для тебя сыскал... Авдотью Карпову...

Гаврила рухнул на колени, уста его неожиданно разверзлись и понесли такое, что генерал поначалу повел плечами:

- Благодетель ты наш, высокое превосходительство, за твою-то заботу о мастеровом человеке лоб в земных поклонах разбить не жалко!.. Только я за Авдотьюшку-то дважды сватался, да отец ее, бочкарь* Аким Карпов, благословенья не дает!..

- Дважды, говоришь? Экая твоя голова бесталанная. - Генерал не выдержал и закатился неудержимым звучным смехом.

- А мы за-а-оставим бочкаря отдать свой бесценный товар такому разудалому купцу-молодцу, как ты! За-а-ста-вим! Только уговор таков: как к венцу пойдешь - извести, желаю лицезреть жениха с невестой в свадебных нарядах!

Генерал взял у офицера листок бумаги, испещренный мелким бисером скорописи, поставил в конце жирную, размашистую роспись, отдал Гавриле.

- То предписание бочкарю Карпову, чтобы не упорствовал отдать замуж за тебя девушку Авдотью... а теперь ступай!

В первый же воскресный день в приходской церкви барнаульских мастеровых Захария и Елизаветы Гаврила обвенчался с Авдотьей. Деревянная церковка была до отказа забита народом, быть может потому, что за последние годы только одному Гавриле посчастливилось найти невесту в посаде. Церковный причт свою службу исполнял с редкой торжественностью. В середине службы над благоговейно молчавшей толпой пронесся, зашуршал в сводах тревожный, боязливый шепот:

- Их превосходительства... их превосходительства...

Толпа раскололась надвое. На хорах дружнее зазвучало торжественное песнопение.

По середине людского коридора с подчеркнутой важностью проследовал Меллер в новом мундире, на котором по-парадному горели начищенные ордена, медали и знаки генеральского отличия. Генерал вел под руку супругу. Их сопровождала блестящая свита горных офицеров.

Генеральская чета всю службу сохраняла на лицах сдержанные умильные улыбки, будто впереди предстояло нечто интересное и занимательное. Однако постепенно выражение светлейших лиц строжало. Прежде всего, генеральская чета невольно обратила внимание на толстую, туго свитую косу невесты. Сам генерал с завистью подумал про себя, что такая коса была бы под стать его жене Аннет. И действительно, для полного совершенства генеральше не хватало именно пышной косы, которая легла бы тяжелым грузом на спину и кончалась бы где-то ниже колен.

“И для чего вороне павлиний хвост...” - направление мыслей генерала вдруг смешалось.

Новобрачные сделали несколько шагов вперед, чтобы поцеловать крест и дать клятву перед ним в вечной супружеской верности. Невеста шла ровной, плавной и легкой походкой.

* Бондарь.

Генерал вспомнил написанное в списке:

“...Припадает на ногу... бочит при ходьбе...” - и метнул недоуменный взгляд на супругу.

В эту минуту невеста повернулась лицом к народу и генералу на какое-то мгновение показалось, что церковный полумрак, разбавленный трепетным светом мигающих свечей, затмило жаркое солнце.глянуло редкой красоты лицо, открытое и чистое, с умными и выразительными небесной сини глазами, в которых светилось смешанное чувство радости жизни и детского удивления происходившим.

Генеральская чета пристыла к месту. Она не замечала поочередных поклонов новобрачных, их родственников и всех тех, кому предстояло занять место за свадебным столом.

Генерал стянул оцепенение, когда церковь опустела, подошел к священнику, по-юношески порывисто спросил:

- Как прозывается невеста, отец Иннокентий?

Священник тайком ухмыльнулся в бороду, смиренно и почтительно ответил:

- Авдотьей Карповой, ваше высокопревосходительство...

На другое утро полухмельной бочкарь Аким Карпов предстал перед разгневанным Борисом Ивановичем.

- Твоя ли дочь обвенчалась вчерашним воскресеньем?

- Так точно, ваше высокопревосходительство! - ответил бочкарь и почувствовал, как от генеральской строгости проясняется рассудок.

- Ведомо ли тебе, что твоя красавица-дочь в списках значится страшилищем уродливым?

Бочкарь оторвал от неба присохший язык и поведал про все начистоту:

- Дык как же неведомо... ить Авдотья дочь родная мне, ваше высокопревосходительство.

- Пошто врал, мерзавец?

- Виновен во вранье, ваше высокопревосходительство... А ить нельзя иначе... страшную да болезненную девку горное начальство к замужеству не понуждает... мы, мужики, извечно в заводской работе ходим, а у каждого скотина, покосы да пашни малость есть! Незамужняя-то девка, почитай, работничек бесценный для родителей до гроба...

Генерал без труда дознался, что в волостях и селах Кольвано-Воскресенской округи добрая половина девиц блекла до полного женского увядания в одуряющей работе по домашности, и пришел в неопишемую ярость.

Перво-наперво генерал приказал разослать указ по всей округе о том, “...чтобы родители не чинили помех дочерям своим в желании выйти замуж, не чернили их лживыми наговорами, а кто поступит супротив указу, того в собрании всей братии, как приличнее будет наказать плетьюми или батожем...”

Бочкаря Акима Карпова отменно высекли плетьюми в назиданье всем, кто имел в Барнауле незамужних дочерей. Сам генерал присутствовал на экзекуции.

Пожилые мастеровые, отцы семейств, на оханье и стоны бочкаря отвечали тяжкими вздохами, хмурили брови. Напротив того, молодые парни и девки, вырядившись во все праздничное, не скрывали довольных улыбок на лицах, поедали генерала благодарными взглядами.

Зеленая молодежь и в мыслях не допускала, что не ради ее счастья генерал так рьяно заступничал, а единственно из-за того, чтобы “...не воспоследовало ущербу интересу ея императорского величества на будущие времена...”

Для царских рудников и заводов на Алтае с каждым годом требовалось все больше работников.

